

В. В. Молзинский

Особенности обучения музыкантов в вузах России

Изложены результаты анализа современного состояния системы профессионального музыкального образования, полученные на материале социологических исследований студентов вузов России 2002 и 2016 гг.

Ключевые слова: музыкальное образование, педагогика, музыкальные интересы студентов

Vladimir V. Molzinsky

Especially of training musicians in Russia

The results of the analysis of the current state of the system of professional music education on the material of sociological research of students of universities of Russia 2002 and 2016.

Keywords: music education, pedagogy, musical interests of students

Вопросы подготовки кадров профессиональных музыкантов требуют объективного анализа, возможного лишь на основе достоверных данных и сопоставления – сравнительного анализа состояния системы подготовки кадров, динамики ее развития.

Объективную картину могут дать результаты социологических исследований, направленных на выявление реальной ситуации, сложившейся в сфере профессионального музыкального образования¹.

Однако изучение вопросов теории и практики образовательной деятельности прежде требует разработки определенных изначальных установок и теоретических гипотез. Их формулирование начнем с того, что музыка – интернациональный язык (если рассуждать с известной долей условности, не касаясь, например, особенностей музыки неевропейских культур). Профессия музыканта, следовательно, позволяет молодому человеку надеяться на концертно-исполнительскую деятельность за рубежом, открывающую возможность относительно достойного существования на родине, или на постоянную работу вне России. Такая «универсальность» вполне может быть в числе первоочередных причин повышенного интереса молодежи к профессии музыканта.

Основанием для подобных предположений может служить факт существенного (почти троекратного) снижения конкурсов на музыкальные историко-теоретические специализации (тесно связанные с языком) при сохранении приблизительно тех же параметров спроса на исполнительские отделения консерваторий, что и в советские годы.

Является ли такое объяснение (несомненно, возможное и отражающее реальное положение вещей) неоспоримым? Едва ли.

Студенты основной массы консерваторий, кроме Московской и Петербургской, рассуждая

здорово, не могут строить иллюзий на счет сколь-нибудь серьезных зарубежных заработков (гастрольно-концертных или постоянных). Другие, по-видимому, причины влекут их на тяжелую стезю профессии музыканта. Какие?

Рассуждения на уровне обыденного сознания из области «житейских проблем» теряют убедительность, как только речь заходит о духовной культуре, о духовной деятельности тех, кто приобщен к ней с ранних лет.

Ребенку и подростку несвойственно задумываться о будущей профессии, по крайней мере, глубоко и серьезно. Но в детском отроческом возрасте человеку свойственно заниматься тем, к чему «лежит душа», к чему уже выработан интерес, а на его основе – предпочтительный род деятельности. Проще говоря, не мысль о будущей работе, а желание заниматься дальше музыкой движет часть выпускников детских музыкальных школ в специализированные музыкальные учебные заведения среднего, а затем – и высшего звена.

Данное обстоятельство позволяет надеяться на стабильность процесса самовоспроизводства кадров начинающих и молодых музыкантов, для которых жизненно важен не столько результат затраченных усилий, а процесс – процесс занятий любимым делом.

Анализ вопросов отношения студентов-музыкантов предперестроечной поры и современной России к своей профессии, сопутствующим обстоятельствам ее освоения и к предпочитаемым сферам слушательской активности показывает, что данная социально-демографическая группа обладает многими качествами, позволяющими говорить о ее стабильности и, следовательно, о стабильности сложившейся системы профессионального образования в музыкальных вузах столичных городов.

Даже глобальные перемены в общественной жизни страны на уровне макрополитических про-

блем, заметно повлиявших на условия жизни и положение интеллигенции в государстве, не оказали существенного воздействия на отношение студентов-музыкантов к избранной профессии и к устоявшейся системе поведенческой активности в отношении культурных, прежде всего музыкальных, ценностей.

В то же время начисто и отрицать негативную роль политико-экономических процессов, протекающих в современной России, было бы идеалистическим преувеличением.

Так, при том, что по-прежнему занятия по специальности занимают «львиную долю» недельного бюджета времени студента, налицо и факт снижения этого показателя едва ли не на одну треть.

Столь же примечательно снижение посещательской активности лекционных занятий по сравнению со сверстниками поколения 80-х (с 10 до 5 часов в неделю). Либо качество преподавания стало ниже, либо студент стал менее любознателен. Последнее, во всяком случае, представляется бесспорным, так как подтверждается иными данными, в частности снижением доли свободного времени, посвященной чтению художественной литературы.

Существуют ли объективные причины, препятствующие духовному и профессиональному росту молодых музыкантов, вынужденных меньше времени заниматься специальностью и чтением художественной литературы?

Наверное, есть. Здесь мы вынуждены коснуться тех самых негативных явлений из области «мелких издержек» глобального процесса социально-экономических преобразований, пагубно влияющих на процесс качественного воспроизводства творческой в целом, музыкальной в частности, интеллигенции.

Так студенты 1980-х гг. могли жить на стипендию (по крайней мере, сорока советских рублей в месяц хватало на питание). Искать работу многих заставляли в основном профессиональные интересы. Работали зачастую иногородние, не желающие жить в студенческом общежитии менее чем за два рубля в месяц и предпочитающие более благоустроенную жизнь на частных квартирах. Работали также выпускники, обеспокоенные проблемой государственного распределения.

Сегодня стипендия – откровенно символический источник существования. И уже не «какая-то» часть, а примерно половина студентов очных отделений профессиональных музыкально-образовательных учреждений высшего и среднего звена вынуждена работать.

Конечно же, подобный факт не следует расценивать только негативно. Трудовая деятельность способствует расширению горизонтов знаний и обретению навыков, способствующих адаптации молодого человека к условиям современной жизни

и обретению качеств самостоятельной социальной личности. Если к тому же работа студента связана с музыкой, она, несомненно, благоприятствует развитию профессионально-практических навыков, существенная доля которых просто не может формироваться исключительно в учебной аудитории.

Но аксиоматично и другое: всякая работа, даже связанная со специальностью, – это, несомненно, отвлечение от учебного процесса. А на деле она отнимает у работающих студентов музыкальных специальностей в среднем до 12 часов в неделю. Таковы данные социологических опросов, проводимых среди студентов российских консерваторий в начале XXI в., но и сегодня среди студентов музыкальных специализаций СПбГИК (март 2016 г.).

Может ли это не препятствовать качеству освоения профессией музыканта? Ответ очевиден.

К тому же примерно третья часть наших нынешних студентов-музыкантов и опрошенных консерваторских студентов полтора десятилетия назад вынуждена искать себе средства к существованию в сферах трудовой деятельности, вообще не связанных с музыкой.

Ситуация по разным городам России неоднородна. Если работающие студенты Санкт-Петербурга (и наши, и консерваторские) в подавляющем большинстве – до 95,5% (и сейчас, и 15 лет назад) – имеют надежду найти себе трудовое применение как музыканты, а в ряде случаев, как известно, практика «в свободное от учебы время» концертно-исполнительской и музыкально-педагогической работы во многом способствует развитию профессиональных навыков. Многие поэтому делают объяснимым желание обучения в одном из крупнейших культурных центров мирового значения.

Их коллеги – студенты музыкальных вузов и училищ периферийных городов – гораздо чаще оказываются перед необходимостью проникновения в иные сферы деятельности, являющие собой неизбежное отвлечение от учебного процесса.

Впрочем, как при научном рассмотрении, так и рассуждая с позиции здравого смысла на основе объективности подхода, следует признать, что факт почти 50-процентной доли студентов очных отделений музыкально-образовательных учреждений, занятых работой до двенадцати часов в неделю, т. е. далеко не «в свободное от учебы время», отнюдь не благоприятствует плановости учебного процесса и подготовке будущих профессиональных музыкантов.

Последнее, подчеркнем, связано не только с фактическим пребыванием студента в стенах учебного заведения. Личность музыканта (как и представителя любой иной области искусства), несомненно, складывается в реальном контакте с явлениями художественной культуры.

Сопоставление же данных 2002 и 2016 гг. (по Санкт-Петербургу) наглядно показывает, что современный студент реже, чем его предшественник, посещает концерты (во всей совокупности их разновидностей) и музыкальные театры (снижение с 8 в среднем до 3,9 посещений в год), меньше внимания уделяет специальности (снижение с 20 до 11 часов в неделю), заметно больше внимания уделяет посещению лекций, примерно 6 часов в неделю (5,9) слушает музыкальные записи (как и студент-музыкант 15-летней давности – 5,8), примерно 5 часов в неделю уделяет чтению художественной литературы (как и студент-музыкант 15-летней давности), что в итоге позволяет говорить о студенчестве музыкальных специализаций как об относительно однородной социально-демографической группе по целому ряду признаков. Обращает на себя внимание только кажущийся рост посетительской активности лекций и заметное снижение внимания к специальности, но повторим – «кажущееся». На деле мы просто видим разницу в основах организации учебного процесса в консерватории, целиком ориентированного на специальность, и института культуры, сочетающего профессиональную подготовку с выраженным стремлением к обогащению общегуманитарного кругозора обучаемого, когда качество музыкально-исполнительского начала одновременно связано с обилием информации по предметам общеобразовательного цикла.

Как мы видим, при некоторой разнородности результатов современного опроса с аналогичным 15-летней давности в целом, можно говорить об относительной стабильности состояния музыкального образования в России и стабильности формирования социально-демографической группы студентов-музыкантов, а значит и всего процесса воспроизводства творческой интеллигенции как при условии прозрения власть предержащих в сфере культуры, так и за счет неисчерпаемости интеллектуальных и творческих ресурсов российского народа. Речь идет о механизме саморазвития нации и самовоспроизводства ее интеллектуальной элиты. Этот механизм объективен в своей социальной основе. В многомиллионной России всегда сохранится немногочисленный, но благотворный слой общества, призванный быть носителем высоких духовных ценностей. О наличии такового говорят и результаты проведенных исследований.

Еще один парадокс, и вместе с тем его загадку таят в себе ответы современных российских студентов на вопрос о том, что предопределило их выбор профессии музыканта.

Подчеркнем еще раз – они делали этот выбор в современных условиях, когда вполне возможен и, скажем прямо, весьма актуален способ безбедного существования в ряде социально-экономических

сфер, где совсем не требуется многолетний титанический труд на пути овладения профессией.

Но объективные данные проведенных исследований свидетельствуют, что в среднем профессиональные ориентации студентов института – будущих профессиональных музыкантов – определяются, прежде всего, такими мотивами, как «стремление заниматься музыкой как любимым делом независимо от того, какая работа ожидает в будущем» (до 58,3%), и «невозможность представить себя вне музыки, человеком какой-либо иной профессии» (до 58,1%).

Здесь уместно будет вернуться к бездоказательным «теоретизированиям» на уровне обыденного сознания (затронутыми выше), будто современная молодежь, в частности молодые музыканты, стремятся, прежде всего, к обретению специальности, не имеющей языковых преград и позволяющей надеяться на поиск средств существования в различных странах мира – вне России.

На самом деле подобные цели ставят менее 3% опрошенных (2,7%), тогда как в начале века в среднем по России подобный взгляд имели до 17,2% молодых музыкантов, т. е. примерно $\frac{1}{6}$ их часть. Первопричиной тому, очевидно, были развальные процессы 1990-х гг., когда умами масс овладел вполне объяснимый тогда лозунг «спасайся, кто может». Определенная стабилизация социально-экономического развития страны, по-видимому, не могла не повлиять на умы и сердца молодых музыкантов. Шестикратное снижение данного показателя в анализе процесса восполнения кадров будущих профессионалов, призванных служить высокому искусству современной России, заставляет достаточно оптимистично смотреть на вещи.

Есть, однако, неоспоримые основы формирования интересов в сфере академической музыки, а уж тем более – выбора профессии музыканта. Первичным фактором оказывается семья, ее духовные ориентации. Так влияние родителей на выбор профессии отмечают более 30% молодых музыкантов.

Упомянем очевидное: путь на «большую сцену» открыт, прежде всего, выпускникам элитарных вузов. Контингент таковых существенно отличается от основной массы студентов музыкально-образовательных учреждений России уже тем, что изначально складывается под наибольшим воздействием семьи (45,5% опрошенных студентов Санкт-Петербургской консерватории и только 36,2% – в среднем по России 2002 г., до 30% по нашему институту). Следовательно, в значительной мере, это потомственные музыканты, условно говоря, «обремененные на службу высокому искусству», ибо с раннего детства соприкасаются с духовными ценностями музыкальной культуры и подсознательно ощущают себя ее будущими носителями, постепенно проникаясь мыслью о

невозможности иных областей будущей профессиональной деятельности.

Подобная версия требует подтверждения материалами исследований последующих лет, когда реально можно будет говорить о том, насколько дети музыкантов (и в каком процентном соотношении) будут склонны следовать делу своих отцов и матерей. Но и сегодня можно более или менее определенно утверждать, что достаточно тонкий слой творческой интеллигенции самовоспроизводится с поразительной стабильностью и очевидной тенденцией количественного роста, как свидетельствуют приведенные выше данные ЦСУ РФ².

Интерес представляют не только общие позитивные тенденции, раскрывающие неослабевающее (даже усиливающееся) стремление молодежи к творческим профессиям, но и содержательные причины такого стремления, раскрывающиеся в ответах студентов-музыкантов на вопросы о предпочитаемых сферах будущей деятельности.

Как это вытекает из сопоставления полученных данных, контингент студентов-музыкантов нашего вуза существенно отличается от музыкального студенчества «нестоличных» городов. В первую очередь это касается надежд на грядущую деятельность в качестве музыкантов-исполнителей и педагогов.

По Санкт-Петербургу это примерно 39% и 23%, по Новгороду – 31% и 35%, по Краснодару – 17% и 38%, по Челябинску – 37% и 42%, по Вологде – 26% и 41%, а в среднем по России – 30% и 36%.

Следовательно, питерские студенты в подавляющей массе своей стремятся к исполнительской деятельности, тогда как педагогическая, по-видимому, неизбежная в жизни музыканта, влечет их в гораздо меньшей степени.

Студенты музыкально-образовательных учреждений прочих областных центров ориентированы в основном на профессию музыкального педагога, по крайней мере, обнаруживают понимание ее как наиболее реальной.

Показателен и интерес студентов к новым для постсоветской России формам профессиональной деятельности музыканта. Речь идет о весьма перспективной сегодня работе в качестве менеджера концертно-исполнительской деятельности. Особенно это касается (думается, неслучайно) студентов Санкт-Петербурга, насыщенная концертная жизнь которого позволяет им лучше видеть возможности подобной деятельности, нежели их коллегам-сверстникам периферийных городов. Во всяком случае, материалы социологических исследований 2002 г. позволяют говорить об этом определенно.

Иной род будущей деятельности, не связанной с музыкой, а тем более получение какой-либо другой (немузыкальной) специальности также

позволяет подчеркнуть специфику столичного музыкального вуза, порог которого переступают уже люди, прочно связавшие себя с музыкой и полностью определившиеся в своих профессиональных интересах.

Особую сложность представляет анализ полученных данных о том, на что надеется будущий, ныне учащийся музыкант в плане материальных источников дальнейшего существования.

Абсурдным было бы утверждение, что подобный круг вопросов не волновал предыдущие поколения музыкантов эпохи социализма. Только решался он иначе. «Государственное распределение специалистов по стране» – незабываемая формулировка, многое объясняющая и многие вопросы снимающая. Государство трудоустроивало директивно и безапелляционно (оставляя некоторые возможности уклонения), выплачивало зарплату «молодого специалиста» в установленных пределах, наиболее талантливые и удачливые выпускники становились музыкантами высокопрофессиональных исполнительских коллективов (и становятся поныне), но не было столь необъятного обилия альтернатив структурам государства.

Новая жизнь предоставила множество новых возможностей, заставляющих думать молодого музыканта (только ли музыканта?) о сферах использования приобретенных навыков избранной профессии.

Надежды на лучшее будущее в государственном секторе возлагают надежды примерно 32% питерских студентов-музыкантов, тогда как в среднем по России этот показатель превышает 42%.

Собственная предпринимательская деятельность влечет примерно пятую часть нашего студенчества. Полученные данные дают усредненную картину по России – в пределах 18–29%.

Надеждами на стабильную работу в частном секторе (если не в творческом, то хотя бы в материальном отношении) полны примерно 19% опрошенных.

«Затруднилась ответить» (надо понимать, «не думает ни о чем») почти четвертая часть – 24,7% студентов-музыкантов. Это последнее заслуживает восхищения! Ведь получается (и подтверждается полученными данными), что почти $\frac{1}{5}$ будущих музыкантов учатся музыке по бескорыстию из чистой любви к своему делу на основе стремления заниматься музыкой как любимым делом своей жизни и невозможности представить себя вне музыки.

Но такие данные раскрывают лишь одну сторону вопроса жизненных и профессиональных ориентаций будущих выпускников музыкально-образовательных учреждений высшего и среднего звена. Подобные ориентации мало стоят «на словах», но обретают содержательный смысл и некоторую (пусть даже косвенную) доказательность,

когда подтверждаются моментами поведенческой активности студента в отношении вопросов профессионального роста, а главное – их места среди прочих видов повседневной деятельности, рассматриваемых в условном обобщении среднего нелегкого диапазона.

Здесь приходится констатировать неудовлетворенность 11–30% опрошенных качеством преподавания иностранного языка в плане недостатков его изучения как языка разговорного общения. При этом максимум неудовольствий имеют здесь студенты элитных вузов (в данном случае, Санкт-Петербургской консерватории), для которых концертно-исполнительская деятельность за рубежом – вполне возможная реальность. Гораздо меньше разговорно-языковая подготовка волнует молодых музыкантов Вологды и Новгорода.

Около 10% опрошенных по России студентов считают необходимым основательное изучение информатики и овладение компьютером.

Так ли это удивительно сегодня, когда перед нами открывается виртуальный мир, а с ним и невиданный ранее информационный поток, ценность которого осознается новым поколением музыкантов? Нет! Зато очевидна недооценка данной области как необходимой для подготовки профессиональных музыкантов третьего тысячелетия.

Зафиксированная материалами настоящего исследования склонность почти 36% опрошенных заниматься в будущем педагогической деятельностью объясняет, по-видимому, повышенный интерес определенной части респондентов к предметам педагогического цикла и различных отраслей психологии.

Примечателен и выраженный интерес студентов к вопросам освоения методов импровизации, целесообразность которого в духовном обогащении молодых музыкантов неоспорима. Новое время порождает и новые запросы студентов высших и средних музыкально-образовательных учреждений России. Они жаждут основательного обучения основам экономики, финансов, бизнеса, менеджмента концертно-исполнительской деятельности.

Сопоставление полученных данных по современной России позволяет утверждать несоответствие существующего, сложившегося в системе профессионального образования положения реальным запросам обучаемых.

Так заявленное желание студентов о расширении спектра учебных дисциплин сочетается с явно недостаточным вниманием к существующим формам обучения и предметам, предусмотренным ныне действующими учебными планами. В частности, посещение аудиторных лекционных занятий занимает у студента немногим более 15 часов в неделю, т. е. чуть более половины предусмотрен-

ных современными стандартами. Что же касается подготовки к семинарам по гуманитарным, музыкально-историческим и музыкально-теоретическим дисциплинам, то «среднестатистический» студент-музыкант уделяет им, соответственно, не более 3,2; 3,5 и 3,8 часа в неделю. Гораздо больше времени студент уделяет прослушиванию музыкальных записей, прослушиванию (просмотру) радиопередач и телевизионных программ – примерно по 6 часов в неделю. Несколько меньше времени – чуть более 5 часов в неделю – он посвящает чтению художественной литературы. Удручает крайне малое время, остающееся на занятия спортом – менее трех часов в неделю, тогда как труд музыканта, его постоянные психологические нагрузки и малоподвижный образ жизни – все это требует здоровья и заботы о постоянном физическом развитии.

Во всяком случае, довольно высокая активность респондентов в высказывании пожеланий по поводу совершенствования учебных планов досадно (пусть отчасти и объяснимо) противоречит не слишком высокой активности в выполнении существующих.

Идеальны ли практикуемые планы, программы и формы обучения? Нуждаются ли они в существенном обновлении? Возможно ли в принципе построение идеальной модели профессионального музыкального (собственно говоря, любого) образования? Все это – комплекс вполне очевидных вопросов (и столь же очевидных ответов). Но в итоге современный студент-музыкант занимается, прежде всего, специальностью и самообразованием.

Последнее включает в себя и избирательное прослушивание музыки академических жанров, и предпочитаемые формы контактов с ее ценностями. Согласно полученным данным, около 80% молодых музыкантов предпочитают слушать музыку «в живом исполнении», в условиях концертного зала и музыкального театра. Примечательно и то, что это в равной степени касается как Санкт-Петербурга (с его богатой концертно-театральной афишей), так и периферийных городов.

Обратимся к исследованию слушательских предпочтений студентов музыкально-образовательных учреждений России. Материалы конкретных социологических исследований показывают закономерную особенность повышенной посетительской активности петербургских студентов по сравнению с аналогичными социально-демографическими группами молодежи российской периферии. Но есть общая тенденция, касающаяся посетительской активности музыкальных театров и концертных залов студентами музыкальных образовательных учреждений современной России. Так посещение филармонических концертов и музыкальных театров нашими студентами-музыкантами показывает довольно высокий интерес к

общению с музыкой академических жанров в изначально свойственном ей «живом» исполнении. Так примерно 3,8 раза в год посещаются концерты симфонической музыки, больше двух – фортепианной музыки, 4,8 – камерной, 10,8 – хоровой (что, конечно же, объяснимо большой долей у нас студентов хоровых специализаций), до трех раз в год посещаемы музыкальные спектакли, тогда как эстрадные концерты (во всей совокупности их разновидностей) наши студенты (неэстрадных специализаций) посещают не более двух раз в год, рок-музыки – чуть более трех раз в год, а дискотеки 72,2% не посещают вовсе.

Все это позволяет говорить о студентах музыкальных специализаций как об особой социально-демографической группе молодежи, кардинальное отличие которой от остальных состоит в совершенно уникальном характере интересов в сфере досуга. Они, эти интересы, полностью определяются ракурсом избранной профессии. Вот уж поистине: профессия – не работа, а любимое дело жизни.

Наконец, об отношении студентов-музыкантов к техническим средствам тиражирования и восприятия музыки.

То, что музыка академических жанров адекватно воспринимается, прежде всего в «живом», концертно-театральном исполнении (качественное любительское – возможно теоретически, но не распространено в объеме репрезентативной значимости), – давно доказанный наукой факт, как и факт крайней неэффективности технических каналов в доведении ее до сознания массового, «неподготовленного» слушателя.

Не утратившими своей актуальности представляются позиции В. Н. Максимова, по мысли которого, высказанной еще в начале 1980-х гг., «научно-технический прогресс... создал беспрецедентную в истории искусства ситуацию, когда воздействие произведений искусства на общество стало определяться не только их художественными достоинствами, но и преимуществами используемых средств их доставки потребителю». Правомерной представляется и позиция исследователя относительно одной из современных тенденций развития искусства, когда «рядом с уникальностью, являющейся традиционным отличительным признаком художественного произведения, возникла тиражность, служащая как распространению копий уникального... так и созданию отдельных жанров и целых видов искусства, изначально рассчитанных на тираж»³. В те же годы известный тогда автор С. Ю. Румянцев отмечал в одной из своих полемических статей на страницах журнала «Советская музыка», что в процессе тиражирования музыки посредством технических каналов выигрывает музыка популярных жанров, тогда как «классика» – проигрывает. Более того, по высказанным ученым

опасениям, в системе электронных средств информации формируется опасная тенденция постепенного изменения общественного понимания музыки как искусства живого интонируемого смысла⁴.

Как мы видим, исследователи прошлого, строя прогнозы по поводу судеб искусства в системе электронных средств информации, оказались во многом правы, но они не могли даже представить себе темпы развития этих средств, дающих сегодня поистине неограниченные возможности mass-media сделать достоянием всех желающих художественную информацию любого достоинства.

Впрочем, надо уточнить, что неограниченные возможности тиражирования художественной информации вовсе не означают их безоговорочного господства в ценностном мире духовной культуры личности. Тотальное «облучение» общества и человека художественной информацией различного достоинства проходит сквозь призму сформировавшейся у индивидуума системы оценок, взглядов, интересов и ориентаций в сфере духовной жизни. В заметно усилившемся потоке mass-media личность встает перед выбором того, что отвечает уровню ее художественного развития. И музыкант-профессионал способен реализовать весь потенциал своего слухового опыта в процессе избирательного общения с тем достойным вниманием, что предлагается в общей массе информационного потока. Тогда «засилие» mass-media может быть благом – элементом системы факторов музыкального развития. Профессиональный музыкант, отдавая явное предпочтение концертно-театральным формам общения с музыкальным искусством, вместе с тем весьма активно использует mass-media каналы, опираясь на достигнутый уровень своего слухового опыта и уже сложившейся системы музыкальных предпочтений. Кроме того, музыкант-профессионал склонен, как известно, придавать существенное значение вопросам исполнительской интерпретации и масштабу дарования исполнителя.

Таков неполный, но контурно очерченный круг причин, по которым mass-media каналы широко используются музыкантами в качестве дополняющей сферы общения с музыкальными ценностями прошлого и современности.

Поэтому обратимся к рассмотрению данной области слушательской активности студентов профессиональных музыкально-образовательных учреждений.

Так заметно снизилась абсолютно доминирующая в советские годы роль магнитозаписи в ряду каналов общения с музыкой, что объяснимо не только техническими моментами совершенствования современных видов аудио-устройств. Главное, наверное, в доступности всякого рода

информации, включая обилие всякого рода музыкальных программ.

Новая и несколько неожиданная, на первый взгляд, черта современной музыкальной жизни молодого слушателя – снижение массовых предпочтений лазерным дискам и средствам их воспроизведения. Если в начале века его предпочитали до 40% респондентов, то ныне (по материалам 2016 г.) – чуть больше 11%.

Довольно высокий ранее процент использования радио и телевизора как источников музыкальной информации основательно снизился. Музыкальные программы радио и телевидения предпочитают слушать, соответственно, 11,1% и 8,3% студентов-музыкантов, опрошенных в 2016 г.

Значительно меньшую распространенность в среде музыкантов имеет видеотехника, показатели слушательских предпочтений которой не превышают объемы статистической погрешности и фактически оказываются нулевыми.

По-видимому, многое здесь (если не все) объяснимо возможностью неограниченного доступа получения художественной (музыкальной) информации через поисковые системы Интернета. Его указывают как основополагающий фактор получения доступа к музыке академических жанров почти 92% опрошенных (тогда как в начале века он был доступен примерно 20% питерских студентов, а в среднем по России не достигал и 10% опрошенных тогда респондентов).

Таковы результаты проведенных исследований. Их анализ позволяет сделать определенные выводы о перспективах воспитания, формирования профессиональных музыкантов в современной российской действительности.

Наиболее очевидной представляется тенденция развития юных музыкантов, переступающих порог вузовского обучения уже с оформившимися в полной мере интересами, всецело обусловленными особенностями избранной профессии. Люди с подобными духовными ориентирами не могут принадлежать к какой-либо другой среде. Напрашивается вывод, что сложившаяся на протяжении десятилетий система профессионального музыкального образования породила малочисленную, но особую группу населения, для которой никакие социально-экономические катаклизмы не будут иметь первостепенной значимости перед тем, что по убеждению или неосознанно стало и будет делом жизни.

Это не просто ответ на главный вопрос о судьбе музыкального образования в России. Это построенный на материалах проведенных исследований прогноз о том, что в обозримом будущем механизм воспроизводства кадров профессиональных музыкантов будет стабильно работать.

Речь идет о специфической направленности формирования профессиональных предпочтений будущих музыкантов, предопределенной объективной закономерностью процесса музыкального развития.

Таковой можно определить как необратимое, направленное и закономерное изменение качественного состояния субъекта (личности, социальной группы), выражающееся в активизации музыкальной деятельности, образовании и обогащении различных ее форм на основе гармоничного расширения и углубления музыкальных интересов, установок и ценностных ориентаций, возвышения и совершенствования структуры музыкальных потребностей, выступающих в неотъемлемом взаимодействии с формированием музыкальных способностей.

Но на этот процесс воздействует целый ряд весьма разнородных обстоятельств. Во-первых, это совокупность, условно говоря, внешних условий, к которым следует отнести реальные возможности вхождения индивидуума в мир музыкальных ценностей. Это «звуковая среда», сложившаяся в условиях семьи, позднее – школы (включая реализацию ее образовательных функций и процесс становления личности в неформальной среде ближайшего окружения друзей-сверстников), в формировании «интонационных стереотипов» в сознании под воздействием электронных средств информации. Во-вторых, это группа имманентно присущих процессу музыкального развития внутренних факторов, обуславливающих как бы внутреннюю логику и активность процесса духовного освоения мира музыки в конкретных видах музыкальной деятельности, выступающих как формы этой активности, «механизмы» которой определяют потребности, интересы, установки, ценностные ориентации, мотивы и т. п.

Первичную значимость в этом процессе имеет категория музыкальной потребности. Для музыканта (будущего или сложившегося) это не просто слушательская склонность к пассивному контакту с музыкой (хотя и она имеет место), но главное – порождение активно-поведенческих моментов, когда музыкальная потребность требует реализации в активных формах музыкально-исполнительской или созидательно-творческой (композиторской) деятельности. На ее основе осуществляется развитие природных задатков в реально формирующиеся музыкальные способности.

Наука продолжает развиваться в направлении поиска новых путей совершенствования системы творческого развития музыканта и слушателя. При этом комплекс вопросов профессионального музыкального образования оказывается в теснейшей связи с исследовательскими изысканиями с целым комплексом фундаментальных

наук, тогда как собственно музыкальная педагогика опирается на их достижения, а методы прикладной социологии лишь позволяют получить общий схематичный «срез» протекающих в современной культуре процессов.

Результаты проведенных исследований в значительной мере отражают современное состояние существующей системы профессиональной подготовки молодых музыкантов. Они позволяют оценить положение в среде будущих профессионалов, соотнести традиционные механизмы восполнения творческой интеллигенции с теми новыми, порой, неожиданными, что заметно отличают позицию и поведение нынешнего студента-музыканта от представителя равновозрастных групп предыдущих поколений.

Проведенные исследования позволяют сделать и некоторые выводы. **Первый** из них – существенная угроза утечки музыкальных талантов за рубеж вовсе не столь велика, как это кажется порой, когда не научное изучение, а поверхностно-обыденный взгляд выступает в оценках глубоких социальных процессов. **Вывод второй:** данные 2002 и 2016 гг., позволяющие представить ситуацию в сфере учебной и социокультурной деятельности студента в диахронном срезе – во временном четвертьвековом интервале, показывают отсутствие существенной разницы в поведенческих моментах студента по отношению к учебе и к театрально-концертной активности его как слушателя музыки академических жанров. **Вывод третий:** как и много лет назад, доминирующая часть молодых профессиональных музыкантов предпочитает слушать музыку академических жанров (классическую и современную) в условиях филармонического концерта или музыкального театра, в чем сказывается диаметрально противоположность слушательских предпочтений основной массы молодежи, не имеющей профессиональной музыкальной подготовки. Наконец, **вывод четвертый:** студенты-музыканты представляют собой устойчивую (на протяжении десятилетий) социально-демографическую группу молодежи, интересы которой в сфере досуга связаны прежде всего с избранной профессией.

Обращает на себя внимание и та особенность данной группы респондентов, что, невзирая на огромное количество альтернатив традиционным формам деятельности музыкантов в современном мире, преобладающая их доля предпочла бы работу в государственных концертных и учебных заведениях.

Примечательно и то, что в ряду мотивов выбора профессии музыканта для современного молодого человека важнейшим оказывается «стремление заниматься музыкой как любимым делом независимо от того, какая работа ожидает в будущем» и «невозможность представить себя вне музыки, человеком какой-либо иной профессии». Желание же «обрести специальность, не имеющую языковых преград и позволяющую надеяться на поиск средств существования в различных странах мира» испытывают менее менее 3% респондентов 2016 г., тогда как в 2002 г. примерно 20% опрошенных. Данное обстоятельство объективно свидетельствует о надеждах современных молодых музыкантов на благоприятные творческие, профессиональные перспективы в России.

Приведенные выдержки и материалы проведенного анализа полученных данных позволяют констатировать устойчивость социально-демографической группы студентов профессиональных музыкальных учебных заведений. Эта (увы, немногочисленная) часть общества формируется на основе сложившихся реалий музыкальной жизни и устоявшихся социологических закономерностей. Она – неиссякаемый источник воспроизводства кадров профессиональных музыкантов в любых условиях и при любых невзгодах, так что в обозримом будущем музыкальное искусство России будет существовать, равно как и «обреченное на выживание» и «продолжение рода» музыкальное образование в России.

Примечания

¹ Материал настоящей работы основан на результатах социологического исследования «Вопросы обучения музыкантов в вузе культуры», проведенного весной 2016 г. в СПбГИК В. В. Молзинским и С. В. Горобец, а также на материалах социологического исследования «Музыкальная культура современной России: исследования и комментарии», осуществленного в 2002 г. в Санкт-Петербурге, Вологде, Челябинске, Новгороде и Краснодаре под руководством И. Е. Рогалева.

² См.: Российский статистический ежегодник: стат. сб. М., 2000. С. 205.

³ Восприятие музыки: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Максимова. М., 1980. С. 5.

⁴ Румянцев С. Ю. Место в культуре – место в практике // Совет. музыка. 1984. № 10. С. 25–26.